

— Х-ха... х-ха... — Тяжело дыша, юноша полулежал на полу, сжимая в руке ампулу подавителя, которую успел достать из шкафчика. Он только собрался вколоть препарат, как услышал, что входная дверь открылась.

Затуманенным взглядом Ся Минчао обернулся на звук:

— Кто здесь?!

Альфа в плаще с усмешкой смотрел на омегу, чье лицо уже заливал нездоровый румянец. Он издал короткий смешок:

— А я вовремя.

Мощный выброс феромонов альфы мгновенно накрыл незащитного омегу. И без того охваченный периодом течки, Ся Минчао, попав под влияние этого напора, окончательно погрузился в безумие. Последние искры разума погасли.

Ампула выпала из ослабевших пальцев и разбилась о пол. Он без сил повалился на ковер, но тут же оказался в чужих руках.

Почувствовав, что его поднимает незнакомец, Ся Минчао попытался сопротивляться нахлынувшей волне жара, пытаясь вырваться из плена течки, но мужчина лишь подхватил его под бедра и слегка подбросил, словно ребенка.

— Тише, води себя хорошо.

Ублюдок... Кто он такой? Не успев принять подавитель, Ся Минчао совсем потерял связь с реальностью из-за бушующих инстинктов. Он попытался поднять руку, чтобы оттолкнуть непрошеного гостя, но движение вышло слабым, вялым и больше напоминало ласку.

Цинь Хуайшан опустил взгляд на человека в своих руках. Полуприкрытые глаза, капельки пота на лбу... Сквозь тонкую ткань рубашки чувствовался жар его тела, а от кожи исходил тонкий молочный аромат. Омега казался изысканным, невероятно аппетитным десертом.

Цинь Хуайшан, привыкший ни в чем себе не отказывать, направился с ним к лестнице.

— Оставьте моего хозяина! Немедленно отпустите! Хозяин в периоде течки, ему срочно нужна помощь! — преградил им путь робот ростом по пояс.

Глядя на механизм, Цинь Хуайшан невозмутимо произнес:

— Активировать протокол второго доверенного лица.

— Протокол второго доверенного лица активирован, — в глазах маленького робота вспыхнул синий свет. — Назовите имя.

— Цинь Хуайшан.

— Имя подтверждено. Приветствую, хозяин Цинь Хуайшан, доступ второго уровня открыт.

Робот Ся-Си отъехал в сторону. Ван Цинлань подготовила дом на совесть, но за те несколько минут, что ушли на формальности, Ся Минчао полностью потерял рассудок. Свернувшись в клубок в объятиях мужчины, он хмурился от боли и невнятно стонал, вцепившись тонкими бледными пальцами в одежду на груди Цинь Хуайшана.

Этот стон, сладкий и тягучий, заставил взгляд Цинь Хуайшана мгновенно потемнеть.

— Где спальня Ся Минчао? — спросил он.

— Первая комната справа на втором этаже, — отозвался робот.

Отлично. С довольной ухмылкой Цинь Хуайшан легко поднялся по лестнице, неся свою добычу.

Впившись зубами в никогда прежде не тронутую железу, он заставил омегу вздрогнуть, словно цветок под ударами шторма. Ся Минчао, слабый и беззащитный, мог лишь прильнуть к своему единственному убежищу. Яростные феромоны альфы обрушились на него ураганом.

Запрокинув голову и обнажив длинную лебединую шею, омега зажмурился. Из уголков его глаз покатились слезы, которые альфа тут же нежно слизнул.

— Тише, не бойся... — прошептал Цинь Хуайшан прямо ему на ухо. Его тон был ласковым, но действия оставались властными и решительными. — Малыш... Хороший мой...

Успокаивая омегу, Цинь Хуайшан чувствовал, как внутри разгорается пламя. Они словно были двумя половинками одного целого, которые наконец-то воссоединились — настолько идеально они подходили друг другу.

Глядя на Ся Минчао, который даже в пылу течи, терзаемый его напором, старался сдерживаться и лишь закусывал губу, на чьих густых ресницах дрожали слезы обиды, Цинь Хуайшан, никогда не заботившийся о чувствах других, впервые ощутил укол совести.

Омега проснулся, и в его глазах еще стояла пелена. Лишь спустя время туман рассеялся, и

взгляд стал ясным, как горный ручей. По одному этому взгляду можно было понять, что он человек тонкой душевной организации и мягкого нрава.

Длинный, словно из белого нефрита, указательный палец слегка дрогнул, и Ся Минчао с силой потер виски. В его глазах отразилось изумление, а лицо застыло, словно покрывшись инеем.

В собственном доме, в своей спальне, он был обесчещен незнакомым альфой!

Ся Минчао крепко сжал припухшие, покрасневшие губы. В душе бушевал шторм. Всю неделю он прокручивал в голове те невыразимые словами картины, и теперь, вспоминая их, чувствовал, как кончики его ушей заливают жар. Ему хотелось провалиться сквозь землю.

Черные, как смоль, волосы разметались по подушке. Ся Минчао сидел в постели, и одеяло не могло скрыть гибкую талию и изящный изгиб спины с соблазнительными ямочками. Он уткнулся лицом в подушку, пытаясь подавить стон отчаяния.

А ведь он планировал всю жизнь оставаться гордым одиночкой! Разве плохо жить одному в роскошном особняке? Прекрасно! Разве плохо тратить свою зарплату только на себя, донатить в игры и ни в чем себе не отказывать? Отлично! Разве плохо в день святого Валентина купить себе одному порцию еды на двоих и наслаждаться покоем? Чудесно!

Так что же произошло? Почему в его жизни внезапно появился этот альфа и разрушил все планы на будущее?

Густой, холодный аромат водки, смешанный с запахом цветущего каштана, все еще витал в комнате, властно заявляя о своем присутствии. Главным пострадавшим был он сам — от него теперь разило мужчиной.

Железа на затылке все еще ныла. Стоит ли радоваться, что его не поместили окончательно? Смесь растерянности и обиды душила его. Откуда вообще взялся этот человек?

Ся Минчао нажал на ноющую поясницу, и его лицо помрачнело. Взгляд упал на спящего рядом альфу. Его узкие глаза-фениксы сузились, от него повеяло холодом.

Он впился глазами в спящего мужчину, который выглядел таким довольным и сытым. Ся Минчао, всегда живший по принципу плыть по течению, чувствовал себя спокойным озером, в которое бросили огромный валун, подняв со дна муть и волны.

Даже во сне этот человек, воспользовавшийся его беспомощностью, выглядел пугающе красивым. Легкая улыбка на тонких губах выдавала его прекрасное настроение. Вид безмятежно спящего альфы вызывал у Ся Минчао лишь жгучую обиду.

Всем известно: альфа может пометить сколько угодно омег, но омега навсегда остается рабом

одного альфы. Течка — страшное время. Без подавителя омега теряет разум и готов броситься на любого встречного альфу. Если случается временная метка, омега начинает тянуться к этому альфе всем сердцем и телом. А если метка постоянная... это катастрофа. Омега полностью принадлежит своему хозяину. Если альфа бросит его, омега не сможет заинтересоваться никем другим. А если он беременный? Большинство омег, потерявших своего альфу, впадают в тяжелейшую депрессию, теряют смысл жизни и нередко накладывают на себя руки. Те же, кто находит в себе силы избавиться от метки, теряют большую часть жизненных сил, становясь слабыми, болезненными и несчастными.

Вспоминая все те ужасные истории, которые он читал после того, как узнал о своем вторичном поле, Ся Минчао охватывал ледяной страх. Он боялся отношений, боялся брака. Вдруг попадется подонок? Лучше уж жить одному, с подавителями. Да, это тяжело, да, это больно, но это можно перетерпеть.

Но теперь все разрушено.

Хотя разум твердил, что этот человек — наглец, ворвавшийся в его дом и воспользовавшийся его слабостью, тело предавало его. Инстинкты, заложенные глубоко в кости, требовали близости и подчинения. Ся Минчао почувствовал, как его тянет к мужчине.

Заметив это движение, он застыл, лицо его сменяло гамму цветов от бледного до темно-серого. Сжимая зубы, он отодвинулся, но спустя минуту тело снова против воли потянулось к альфе. Это было как у кошки, не способной устоять перед кошачьей мятой.

Ему хотелось схватить нож и прикончить этого наглеца. Разум кричал об опасности: этот человек смог легко проникнуть в дом, он чувствует себя хозяином ситуации — такой явно не из простых, нельзя действовать импульсивно.

Ся Минчао впился пальцами в край одеяла, с яростью разрывая ткань, словно это был сам альфа.

Вдруг чья-то рука обняла его за талию. По телу пробежала дрожь, а прижавшийся к нему мужчина уткнулся лицом в бок и издал низкий, довольный смешок. Ся Минчао оцепенел.

Цинь Хуайшан проснулся всего пару минут назад и увидел, как омега с остервенением рвет одеяло. Его изящный профиль, выражение ярости на лице — у любого другого это выглядело бы уродливо, но на этом лице смотрелось невероятно притягательно. Он был похож на породистого персидского кота, который выпускает когти, пытаясь укусить, но при этом отчаянно пытается сдержаться.

Цинь Хуайшан с интересом наблюдал за ним, а затем, не выдержав, протянул руку и обнял его за талию.